

A woman with long, wavy brown hair is sitting at a round wooden table in a cozy cafe. She is looking out of a large window that is covered in raindrops. The view outside shows a city street with buildings and streetlights. The interior of the cafe is warmly lit with several lamps. A cup of coffee sits on the table in front of her.

Ольга Нонн

Тайна чашки

Ольга Нонн

Тайна чашки

«Автор»

2026

Нонн О.

Тайна чашки / О. Нонн — «Автор», 2026

В тёплом кафе старого европейского города, пропитанном ароматами кофе и белого чая, жизнь течёт по своим уютным законам. Но одна странная просьба — о загадочной «седьмой чашке» — нарушает привычный порядок, и героиня оказывается на пороге мира, где магия переплетается с реальностью. Её спокойствие рушится, а желание понять неизведанное заставляет шагнуть за грань обычного. Погружаясь в тайны, она сталкивается с выбором между стабильностью и переменами, любовью и внутренними открытиями. Миры смешиваются, а линии между прошлым и настоящим стираются, обнажая скрытые испытания и неожиданные предательства. Сумеет ли она сохранить себя и ту нежность, что дарит уютному месту? Или же тайны седьмой чашки изменят её навсегда?

© Нонн О., 2026

© Автор, 2026

Ольга Нонн

Тайна чашки

Предисловие

В тёплом кафе старого европейского города, пропитанном ароматами кофе и белого чая, жизнь течёт по своим уютным законам. Но одна странная просьба — о загадочной «седьмой чашке» — нарушает привычный порядок, и героиня оказывается на пороге мира, где магия переплетается с реальностью. Её спокойствие рушится, а желание понять неизведанное заставляет шагнуть за грань обычного.

Погружаясь в тайны, она сталкивается с выбором между стабильностью и переменами, любовью и внутренними открытиями. Миры смешиваются, а линии между прошлым и настоящим стираются, обнажая скрытые испытания и неожиданные предательства. Сумеет ли она сохранить себя и ту нежность, что дарит уютному месту? Или же тайны седьмой чашки изменят её навсегда?

Глава 1. Кафе, где всё было по-прежнему

Часть 1

Анна любила утро за то, что оно ничего от неё не требовало.

Утро не задавало вопросов. Не напоминало о вчерашнем. Не торопило.

Особенно хороши были те минуты, когда город ещё только начинал просыпаться, а кафе уже пахло кофе.

Анна вставляла ключ в замок, поворачивала его дважды и всегда на секунду задерживала ладонь на холодной металлической ручке. Потом толкала дверь плечом.

Колокольчик над входом тихо звенел.

— Доброе утро, — говорила она пустому залу.

Никто не отвечал. Анне это нравилось.

Кафе было небольшим — всего несколько столиков, стойка из потемневшего дерева и высокие окна, через которые по утрам внутрь проникал серый свет. Стены когда-то были белыми, но за долгие годы приобрели оттенок старого сливочного фарфора.

На одной стене висели фотографии города: площадь зимой, мост в тумане, собор после дождя.

На другой — выцветшая фотография самого кафе.

Анна иногда рассматривала её, когда ждала, пока закипит вода.

На снимке всё было почти таким же, как сейчас.

Та же вывеска.

Те же окна.

Та же дверь в переулок сбоку от здания.

Вот только люди на фотографии выглядели так, будто их сняли очень давно. Мужчины носили шляпы, женщины — длинные пальто, а перед кафе стоял мальчик с деревянной лошадкой в руках.

Анна никогда не могла понять, почему эта фотография немного её тревожит.

Наверное, из-за двери.

Дверь была старая, с латунной ручкой. Вела она, насколько знала Анна, в маленькое подсобное помещение, которым кафе когда-то пользовалось, а потом перестало.

Дверь давно никто не открывал.

Но Анна каждый день видела её из кухни.
Поэтому могла бы нарисовать её с закрытыми глазами.
Она поставила на стойку шесть белых чашек.

Шесть.

Анна пересчитала их машинально.

— Раз, два, три...

На четвёртой чашке была тонкая трещина.

Пятая стояла чуть криво.

Шестая — единственная, которую недавно купили вместо разбитой.

Анна поправила её.

На полке оставалось место ещё для одной чашки.

Она сама не знала, почему каждый раз это замечает.

Седьмая чашка.

Нелепая мысль.

Анна усмехнулась и отвернулась.

— Ты опять разговариваешь сама с собой?

В дверях кухни стоял Томас.

Он работал в кафе почти столько же, сколько Анна, хотя утверждал, что это не работа, а временная ошибка длиной в три года.

— Я не разговариваю.

— Я слышал.

— Значит, тебе показалось.

— Очень удобно.

Томас забрал с полки пакет с мукой.

— Опять считаешь чашки?

Анна посмотрела на него.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты делаешь это каждое утро.

— Я просто проверяю посуду.

— Конечно.

Он исчез за дверью.

Анна услышала, как он начал что-то напевать.

Она снова посмотрела на полку.

Шесть чашек.

Всё было на месте.

И именно поэтому она успокоилась. К девяти часам кафе уже наполнилось звуками.

Ложечки звенели о фарфор. За окном проезжали первые трамваи. Кто-то смеялся у окна.

Кофемолка ревела так громко, что на несколько секунд заглушала разговоры.

Анна знала большинство постоянных посетителей.

Месье Лоран приходил каждый вторник и четверг и заказывал эспрессо, хотя каждый раз жаловался, что кофе стал хуже.

Две студентки из университета садились у окна и всегда делили один пирог.

Седой мужчина в синем пальто читал газету, которую приносил из дома, потому что, как он однажды объяснил Анне, «местные газеты пишут только о том, что уже произошло».

Анна знала, кому нужен сахар.

Кому — вода.

Кому нельзя предлагать выпечку до десяти утра.

Она любила эти маленькие знания.

В них было что-то успокаивающее.

Человек входил в дверь — и мир становился понятнее.

Человек садился за свой стол — и всё возвращалось на привычное место.

Когда Анна была маленькой, бабушка говорила:

— Если не знаешь, что делать, сделай то, что делала вчера.

Анна запомнила это на всю жизнь.

Наверное, поэтому она так любила кафе.

Здесь почти всегда можно было сделать то, что делала вчера.

В тот день всё изменилось в половине четвёртого.

Дождь шёл уже несколько часов.

Он стекал по стеклу тонкими дорожками, размывая дома и вывески. Людей на улице стало меньше. Город словно свернулся внутрь себя.

Колокольчик над дверью звякнул.

Анна подняла голову.

Вошла пожилая женщина.

Она была невысокой, в длинном тёмно-сером пальто. Серебряные волосы были собраны на затылке. В руках она держала небольшой чёрный зонтик, но на нём не было ни капли воды.

Анна заметила это и почти сразу забыла.

Женщина огляделась.

Не так, как обычно осматриваются посетители.

Она не искала свободный столик.

Будто проверяла, всё ли находится там, где должно.

Её взгляд задержался на полке с чашками.

Потом — на окне.

Потом — на двери.

Анна почувствовала неприятное покалывание между лопатками.

— Добрый день, — сказала она.

Женщина повернулась к ней и улыбнулась.

Улыбка была совершенно обычной.

— Добрый день, Анна.

Анна замерла.

— Простите?

— Мне, пожалуйста, чай.

Женщина прошла к дальнему столику.

Анна смотрела ей вслед.

Она точно не называла ей своего имени.

На бейджике оно было написано.

Наверное, женщина просто прочитала.

Анна убедила себя в этом.

Она взяла меню и подошла к столику.

— У нас сегодня белый чай, чёрный чай с бергамотом и...

— Мне нужна седьмая чашка.

Анна не сразу поняла слова.

— Простите?

Женщина смотрела на неё совершенно спокойно.

— Седьмая чашка.

— У нас... — Анна взглянула на стойку.

— У нас чашки не нумеруются.

— Я знаю.

— Тогда вы, наверное...

Она замолчала.

Женщина слегка наклонила голову.

— Наверное, что?

Анна вдруг почувствовала себя глупо.

— Вы хотите заказать какой-то особый чай?

— Нет.

— Тогда я не совсем понимаю.

— Это неудивительно.

Женщина произнесла это без насмешки.

И именно поэтому Анне стало не по себе.

Она положила меню на стол.

— Может быть, вы имеете в виду белый чай?

— Нет.

— Чай с бергамотом?

— Нет.

— Тогда...

Женщина посмотрела в окно.

Дождь продолжал идти.

— Вы давно здесь работаете?

— Три года.

— А дверь всё ещё там?

Анна почувствовала, как внутри что-то неприятно сжалось.

Она посмотрела на узкий проход.

Дверь была на месте.

Старая.

Неподвижная.

— Да, — ответила она.

— Конечно.

Женщина кивнула.

— Хорошо.

— Что именно хорошо?

Но женщина уже смотрела на меню.

— Белый чай, — сказала она.

— Принесите белый чай.

Анна вернулась за стойку.

Томас стоял у кофемашины.

— Кто это?

— Не знаю.

— Она странная.

— Я заметила.

— Она назвала тебя по имени?

Анна посмотрела на него.

— Ты тоже заметил?

— Она сначала назвала тебя, потом попросила седьмую чашку.

Томас усмехнулся.

— Может, это какой-нибудь местный ритуал.

— Очень смешно.

— Я серьёзно.

— Не надо.

Он поднял руки.
— Всё. Молчу.
Анна поставила чайник.
Вода начала нагреваться.
И вдруг ей показалось, что в кафе стало слишком тихо.
Она подняла глаза.
Женщина сидела у окна и смотрела прямо на неё.
Не на чайник.
Не на чашку.
На неё.
Анна первой отвела взгляд
Когда чай был готов, Анна принесла его к столику.
— Ваш белый чай.
Женщина поблагодарила её.
Анна поставила чашку.
Сделала шаг назад.
— Скажите...
Женщина подняла глаза.
— Да?
— Что означает «седьмая чашка»?
Несколько секунд она молчала.
За окном прошёл трамвай.
Колёса глухо прошуршали по мокрым рельсам.
— Вы действительно не знаете?
— Нет.
— Тогда, может быть, и хорошо.
Анна нахмурилась.
— Почему?
Женщина взяла чашку обеими руками.
— Потому что, если бы знали, вы бы уже начали искать.
— Что искать?
Женщина улыбнулась.
— Седьмую.
Анна хотела спросить ещё что-то.
Но в этот момент из кухни раздался громкий звон разбившегося блюда.
Она вздрогнула и обернулась.
— Чёрт.
Томас что-то пробормотал.
Анна быстро посмотрела на столик.
Женщина сидела на месте.
Чашка стояла перед ней.
Но чай уже исчез.
Анна моргнула.
Невозможно.
Она принесла чай меньше минуты назад.
— Вам ещё что-нибудь принести?
Женщина покачала головой.
— Нет.
— Вы точно...

Анна замолчала.
Она не знала, что хотела спросить.
Женщина поставила чашку на блюдце.
— Не волнуйтесь, Анна.
— Я не волнуюсь.
— Пока нет.
Затем женщина встала.
Она надела пальто, взяла зонтик и направилась к двери.
Анна смотрела на неё.
— Простите, вы забыли оплатить.
Женщина остановилась.
На секунду её лицо стало очень усталым.
— Конечно.
Она положила на стол монету.
Старую.
Слишком старую, чтобы ею можно было расплатиться.
Анна подняла её.
На ребре монеты были насечки.
Она начала считать.
Одна.
Две.
Три.
Четыре.
Пять.
Шесть.
Седьмая насечка была глубже остальных.
Анна подняла голову.
— Откуда у вас это?
Но женщина уже открывала дверь.
Колокольчик звякнул.
Дверь закрылась.
Анна выбежала следом.
На улице никого не было.
Дождь шёл стеной.
Анна оглянулась направо, потом налево.
Женщина исчезла.
Просто исчезла.
Переулок был пуст.
Анна сделала несколько шагов.
Она сама не понимала, зачем идёт туда.
Наверное, хотела найти объяснение.
Но сильно намокла и вернулась обратно.
Она посмотрела на дверь.
Вернее, на место, где она должна была быть.
Перед ней была глухая каменная стена.
Никакой двери.
Никакой ручки.
Никакого дверного проёма.
Анна медленно подошла ближе.

Провела ладонью по камню.
Холодный.
Мокрый.
Настоящий.
Она отступила.
— Нет.
Слово прозвучало нелепо.
Она оглянулась вокруг.
Потом снова посмотрела на стену.
Двери не было.
Но она точно была.
Анна помнила её.
Она видела её сегодня утром.
Вчера.
Позавчера.
Каждый день последние три года.
Она даже знала, где на нижней части двери оставалось тёмное пятно от старой краски.
Анна коснулась стены снова.
— Что за...
— Анна?
Она обернулась.
Томас стоял в дверях кафе.
— Что ты делаешь?
— Где дверь?
Томас посмотрел на стену.
— Какая дверь?
Анна почувствовала, как по спине прошёл холод.
— Здесь.
— Здесь никогда не было двери.
— Была.
— Анна...
— Была!
Томас перестал улыбаться.
— Ты уверена?
Она посмотрела на него.
В этот момент ей захотелось услышать, что он тоже её видел.
Что всё нормально.
Что это просто ремонт.
Что она устала.
Что угодно.
Но Томас только пожал плечами.
— Здесь всегда была стена.
Анна ничего не ответила.
Она подошла к фотографии на стене.
Сняла её.
Пальцы дрожали.
На старой фотографии переулок был виден почти целиком.
Анна приблизила снимок к лампе.
Стена.

Никакой двери.
Она перевернула фотографию.
На обороте стояла дата.
Сорок три года назад.
Анна снова посмотрела на снимок.
И впервые за всё время ей стало по-настоящему страшно.
Потому что она больше не была уверена, что помнит сегодняшний день правильно.
Кафе закрылось в десять.
Томас ушёл первым.
Перед выходом он задержался у двери.
— Ты точно не хочешь, чтобы я остался?
— Нет.
— Тогда позвони, если что.
Анна кивнула.
Он вышел.
Колокольчик звякнул.
Она заперла дверь.
Проверила замок.
Потом ещё раз.
В кафе стало тихо.
Слишком тихо.
Анна выключила свет над стойкой.
На кухне осталась только маленькая лампа.
Она подошла к полке.
Шесть чашек.
Она пересчитала их.
Раз.
Два.
Три.
Четыре.
Пять.
Шесть.
Анна выдохнула.
Всё нормально.
Она почти улыбнулась.
И тогда услышала звон.
Тихий.
Едва различимый.
Не над входной дверью.
Где-то глубже
Внутри кафе.
Анна замерла.
Звон повторился.
Она медленно повернула голову.
На полке стояла седьмая чашка.
Анна была уверена, что секунду назад её там не было.
Чашка была старой — белой, с тонкой золотой полоской по краю.
На ней не было ни пыли, ни следов хранения.

Она выглядела так, будто кто-то только что поставил её на полку.

Анна подошла ближе.

На дне чашки что-то было написано.

Она наклонилась.

И прочитала своё имя.

****Анна.****

Из-за стены, где ещё утром была дверь, кто-то трижды постучал.

Тук.

Тук.

Тук.

Анна не двигалась.

А затем за стеной тихо звякнул колокольчик.

Тот самый, которого в кафе никогда не было.

Глава 1. Кафе, где всё было по-прежнему

Часть 2

Анна не двигалась.

Она стояла перед полкой, положив ладонь на край деревянной стойки, и смотрела на стену.

Тук.

Тишина.

Тук.

Она задержала дыхание.

Тук.

Третий удар оказался самым тихим.

После него всё стихло.

Анна вдруг услышала собственное сердце.

Глупость.

Наверняка труба. Или дерево. Старый дом постоянно издавал звуки: зимой потрескивали балки, летом где-то в стенах гулял воздух. Иногда на кухне сами собой вздрагивали стеклянные банки.

А колокольчик?

Анна посмотрела на входную дверь.

Он висел там, где и всегда, — маленький латунный колокольчик на короткой цепочке.

Тот самый.

Она медленно коснулась его пальцами.

Холодный металл.

Ничего необычного.

Анна отпустила цепочку.

Колокольчик едва заметно качнулся.

И снова зазвенел.

Только звук пришёл не от входа.

Он раздался из-за стены.

Анна резко отступила.

— Нет.

Собственный голос прозвучал слишком громко.

Она снова посмотрела на седьмую чашку.

Та стояла на месте.

Имя на дне никуда не исчезло.
Анна протянула руку.
И остановилась.
Перед глазами возникло лицо пожилой женщины.
«Вы действительно не знаете?»
Анна опустила руку.
Она сама не могла понять, чего боится больше: прикоснуться к чашке или моргнуть и обнаружить, что её больше нет.
— Это невозможно, — прошептала она.
За стеной что-то зашуршало.
Анна вздрогнула.
Потом услышала голос.
Очень тихий.
Слов было не разобрать, но сомнений не осталось: кто-то говорил.
По ту сторону стены.
Там, где никогда не было двери.
Анна не подошла к стене.
По крайней мере, не сразу.
Сначала она сделала то, что делала всегда, когда не знала, что делать.
Начала убирать кафе.
Собрала чашки. Вымыла ложки. Протёрла стойку, вытерла столы. Выключила кофемашину, закрыла кран, проверила холодильник.
Знакомые движения следовали одно за другим.
У каждого было начало и конец.
Это помогало.
Пока руки были заняты, не приходилось думать.
Она вымыла чашку, из которой пила пожилая женщина, и поставила её на сушилку.
Потом посмотрела.
Обычная.
Белая.
С тонким голубым узором.
Анна нахмурилась.
Ей показалось, что узор был другим.
Она закрыла глаза и попыталась вспомнить.
Старый фарфор.
Голубые ветви.
Маленькая трещина возле ручки.
Да.
Точно.
Анна открыла глаза.
Трещины не было.
Она осторожно поставила чашку обратно.
— Я устала, — сказала она вслух.
Фраза прозвучала убедительно.
Почти.
Она взяла телефон.
22:47.
Томас ушёл меньше часа назад.
Анна открыла переписку.

Пальцы зависли над клавиатурой.
Что написать?
«Томас, у нас появилась седьмая чашка».
Она представила его ответ.
Конечно. Ты просто устала.
Сообщение исчезло ещё до того, как было отправлено.
Анна попробовала снова.
«Ты помнишь ту пожилую женщину?»
Удалить.
Третья попытка:
«Ты что-то знаешь о седьмой чашке?»
Она долго смотрела на экран.
Потом тоже стёрла.
Ей не хотелось писать это даже в сообщении.
Слово «седьмая» теперь казалось неправильным.
Слишком тяжёлым.
Анна убрала телефон в карман.
И тут услышала звук.
Совсем рядом.
Цок.
Она посмотрела на пол.
На каменные плитки возле стены упала маленькая капля воды.
Потом вторая.
Цок.
Цок.
Анна подняла голову.
По стене стекала тонкая тёмная полоска.
Она подошла ближе.
Камень был сухим.
Кроме одного места.
Там, где утром была дверь.
Анна провела пальцем по мокрому следу.
Пахло дождём.
Не сыростью старого дома — именно дождём.
Свежим камнем после ливня.
Она убрала руку.
На кончиках пальцев осталась холодная вода.
И что-то ещё.
Анна растёрла каплю между пальцами.
Песок.
Мелкие золотистые крупинки.
Она посмотрела на них и сама не поняла почему, но сразу вспомнила тонкую золотую полоску на седьмой чашке.
В ту ночь Анна почти не спала.
Её квартира находилась недалеко от кафе — всего несколько улиц пешком. Обычно дорога занимала двенадцать минут. В тот вечер она шла почти сорок.
Несколько раз останавливалась.
Оглядывалась.
Ей всё время казалось, что кто-то идёт следом.

Каждый раз, когда она резко оборачивалась, улица оказывалась пустой.
Только фонари, мокрый камень и редкие окна с жёлтым светом.
Обычный город.
По крайней мере, таким он казался.
Анна остановилась перед витриной закрытого магазина.
В отражении она увидела себя.
Тёмное пальто.
Влажные волосы.
Бледное лицо.
И женщину позади.
Анна резко обернулась.
Никого.
Она снова посмотрела в стекло.
Тоже никого.
Только собственное отражение.
Анна ускорила шаг.
На следующем перекрёстке почти побежала.
Дома стало легче.
Замок.
Дверь.
Свет.
Тишина.
Всё знакомое.
Всё её.
Она поставила чайник и долго стояла у окна, пока вода нагревалась.
За стеклом город постепенно погружался в ночь.
И тогда Анна заметила странность.
На противоположной стороне улицы горел фонарь, которого раньше не было.
Она была уверена.
Она знала этот вид из окна: дом напротив, вывеску магазина, дерево возле остановки.
Фонаря не было.
Теперь он стоял.
Старый.
Кованый.
С одним круглым светильником.
Под ним никого.
Анна отвернулась.
Она не собиралась снова проверять.
Не сегодня.
Выключила чайник, поставила чашку на стол и уже собиралась уйти в спальню, когда услышала:
Дзинь.
Анна застыла.
Колокольчик.
Она медленно повернула голову.
Входная дверь была закрыта.
На ней не было никакого колокольчика.
Анна подошла ближе и прижала ладонь к двери.
За ней была лестничная клетка.

Пустая.

Она знала это.

Но всё равно спросила:

— Кто там?

Ответа не было.

Анна не убирала руку.

Потом с другой стороны двери раздался едва слышный шёпот.

Она не разобрала слов.

Только одно.

Имя.

— Анна.

Она отшатнулась.

Утром город снова выглядел нормально.

И это оказалось хуже всего.

Солнце отражалось в окнах. У булочной пахло свежим хлебом. На площади торговцы раскладывали товар. Трамвай звенел на повороте.

Люди спешили по своим делам.

Анна пришла в кафе на двадцать минут раньше обычного.

Долго стояла перед входом, держа ключ в руке.

Смотрела на дверь и думала о том, что могло ждать её внутри.

Седьмая чашка.

Стена.

Звон.

Женщина.

В конце концов она вставила ключ в замок.

Дверь была не заперта.

Колокольчик над входом звякнул.

Анна вздрогнула.

— Доброе утро.

Томас поднял голову из-за стойки.

— Ты чего такая?

— Ничего.

— Плохо выглядишь.

— Спасибо.

— Это был комплимент.

Анна сняла пальто.

— Ты вчера ничего странного не заметил?

Томас помолчал.

— Например?

— В кафе.

— Нет.

Анна кивнула.

— Хорошо.

Она прошла на кухню.

На полке стояли чашки.

Анна пересчитала их.

Шесть.

Она закрыла глаза.

Открыла.

Шесть.

Облегчение оказалось таким сильным, что она едва не рассмеялась.

— Что там? — спросил Томас.

— Ничего.

Она взяла первую чашку.

Потом вторую.

На третьей остановилась.

На внутренней стороне фарфора кто-то тонко процарапал цифру.

****7.****

Анна выронила чашку.

Та ударилась о пол и разлетелась на белые осколки.

Томас спросил:

— Ты в порядке?

Анна не ответила.

Среди осколков лежал маленький кусок бумаги, сложенный вчетверо.

Она подняла его.

Почерк показался знакомым.

Анна уже видела эти буквы.

Вчера — на обороте старой фотографии кафе.

Она развернула записку.

Всего несколько слов.

****Не открывай дверь после седьмой чашки.****

Анна перечитала фразу.

Томас заглянул через её плечо.

— Что там?

Анна подняла глаза.

— Ты тоже это видишь?

— Что?

Она повернула записку к нему.

Томас нахмурился.

— Там ничего нет.

Анна посмотрела на бумагу.

Чернила исчезли.

Осталась чистая белая поверхность.

Только в самом центре проступала одна цифра ****7.****

В этот момент над входной дверью зазвенел колокольчик.

Они оба повернулись.

Дверь не открывалась.

Глава 1. Кафе, где всё было по-прежнему

Часть 3

Дверь оставалась закрытой.

Анна видела это совершенно ясно: ручка не двигалась, стекло не дрожало, за дверью никого не было.

И всё же колокольчик продолжал звенеть.

Один раз.

Второй.

Третий.

Томас смотрел на дверь.

— Сквозняк?

Анна не ответила.

— Может, механизм заело, — сказал он уже менее уверенно.

— Дверь закрыта.

— Я вижу.

Колокольчик звякнул снова.

Теперь звук был другим. Не резким, как обычно, а протяжным, почти певучим— словно металлический язычок медленно провели по краю.

У Анны пересохло во рту.

Она положила записку на стойку.

— Открой.

Томас посмотрел на неё.

— Зачем?

— Чтобы проверить.

— Ты сама видишь, что она закрыта.

— Вот именно.

Он помедлил, потом подошёл.

Взялся за ручку.

Повернул.

Дверь открылась.

За ней никого не было. Только мокрая улица и переулок.

Томас выглянул наружу.

— Видишь? Пусто.

Анна смотрела на мостовую.

В нескольких шагах от порога что-то блеснуло.

— Подожди.

Она вышла следом.

Томас остался в дверях.

— Что ты ищешь?

Анна присела.

На мокром камне лежала монета.

Она узнала её сразу.

Семь насечек по краю.

Та самая.

Но вчера, после ухода женщины, Анна положила монету на стойку. Утром её там уже не было.

Теперь она лежала здесь.

Анна подняла её.

Металл оказался тёплым.

Она резко сжала пальцы и спрятала монету в карман.

— Анна?

— Ничего.

Томас посмотрел на неё.

— Ты уже второй раз говоришь «ничего», когда происходит что-то явно не похожее на ничего.

— А что я должна сказать?

— Правду.

Она встретила его взгляд.

Ей хотелось рассказать.

О чашке.

О двери.

О голосе за стеной.

О монете, которую она только что нашла там, где её быть не должно.

Но стоило представить всё это произнесённым вслух, как происходящее начинало звучать нелепо.

Пожилая женщина попросила седьмую чашку.

Потом исчезла.

Дверь исчезла.

Появилась чашка с моим именем.

Ночью кто-то произнёс моё имя за дверью квартиры.

А теперь вернулась монета.

Вслух это выглядело бы почти абсурдно.

Анна вдруг подумала: может быть, именно этого от неё и ждут.

Чтобы она рассказала.

Чтобы кто-нибудь сказал, что она ошиблась.

Чтобы она сама начала сомневаться в собственной памяти.

Она посмотрела на пустой переулок.

— Я просто плохо спала.

Томас вздохнул.

— Ладно.

Он вернулся на место.

Анна ещё несколько секунд стояла под дождём.

И тогда увидела женщину.

На другой стороне улицы.

Серая фигура под чёрным зонтом.

Анна застыла.

Сердце тяжело ударило в груди.

Она моргнула.

Женщина исчезла.

На её месте стоял только старый фонарь.

Анна вернулась в кафе.

— Что с тобой? — спросил Томас.

Она сняла мокрое пальто.

— Ничего.

Он посмотрел на неё.

На этот раз без улыбки.

— Конечно.

До полудня больше ничего не произошло.

Анна заставляла себя работать. Улыбалась посетителям, готовила кофе, меняла сахарницы, принимала оплату. Когда Томас начал рассказывать очередную историю о своём соседе, она даже рассмеялась в нужном месте.

Постепенно страх отступил.

Может быть, всё действительно можно объяснить.

Женщина могла знать её имя по бейджику.

Дверь могла существовать только в её памяти.

Записку она могла неправильно прочитать.

А бессонная ночь объясняла слишком многое.

Анна почти поверила.

Около двенадцати вошёл месье Лоран.
Он снял мокрое пальто, аккуратно повесил его на спинку стула и сел за привычный столик.

— Как всегда.

— Эспresso?

— Разумеется.

Анна поставила чашку перед ним.

Но месье Лоран не притронулся к кофе.

Он оглядывал зал.

— Здесь что-то изменилось.

Анна почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Что именно?

Старик указал на ближайший столик.

— Этот раньше стоял ближе к окну.

— Он всегда стоял здесь.

— Нет.

Он сказал это спокойно.

— Я сорок лет хожу в это кафе.

Анна посмотрела на стол.

Ей вдруг стало трудно дышать.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

Месье Лоран перевёл взгляд на стену.

— И дверь была там.

Томас, стоявший за стойкой, поднял голову.

— Какая дверь?

— В переулок.

— Там стена.

Старик посмотрел на него.

— Теперь стена.

В кафе стало тихо.

Анна подошла ближе.

— Когда вы в последний раз видели дверь?

— Вчера.

У Анны вырвался почти незаметный вздох облегчения.

— Вчера?

— Конечно.

— В какое время?

Месье Лоран нахмурился.

— Не помню.

Он посмотрел на свой кофе.

— Утром... кажется.

Помолчал.

— Или вечером.

Анна ничего не сказала.

Старик поднял глаза.

В них появилось выражение, которого она раньше у него не видела.

Растерянность.

— А какой сегодня день?

Томас перестал вытирать чашку.
Анна посмотрела на часы.
Стрелка двигалась.
Мир вокруг неё тоже двигался.
Но впервые ей показалось, что этого недостаточно.
После обеда Анна достала старую записную книжку.
Она лежала в нижнем ящике стойки и принадлежала ещё прежнему владельцу кафе.
Книга рецептов с пожелтевшими страницами, загнутыми краями и бурыми пятнами от кофе.
Часть рецептов была написана от руки, часть вырезана из газет.
Анна листала её почти машинально.
Кофе по-венски.
Чай с мёдом.
Пирог с грушами.
Суп из лука.
Она перевернула страницу.
Шестой рецепт.
Следующий — восьмой.
Анна остановилась.
Между ними была пустая страница.
Она вернулась назад, потом снова перелистнула.
Пустая.
В центре страницы темнел круглый след, словно здесь долго стояла чашка.
Анна провела пальцем по бумаге.
На коже осталась золотистая пыль.
Такая же, как вчера на стене.
Она перевернула страницу.
Там появилась надпись.
Седьмая чашка подаётся только тому, кто уже однажды уходил.
Анна перечитала её.
Медленно.
Потом ещё раз.
Слова исчезли.
На странице снова был рецепт пирога.
Она закрыла глаза.
Сделала глубокий вдох.
Открыла.
Пирог.
Никакой надписи.
Анна резко захлопнула книгу.
— Я схожу с ума.
— Кто тебе это сказал?
Она вздрогнула.
Томас стоял в дверях.
— Господи. Не подкрадывайся так.
— Я не подкрадывался.
— Тогда хотя бы ходи громче.
Он посмотрел на книгу.
— Что там?
— Рецепты.

— И поэтому ты побледнела?
Анна промолчала.
Томас подошёл ближе.
— Анна.
Она подняла глаза.
— Что?
— Если что-то происходит, скажи мне.
— Я сама пока не знаю, что происходит.
Томас посмотрел на неё ещё несколько секунд.
Потом кивнул.
— Хорошо.
Он не стал спрашивать дальше.
— Но если сегодня ночью тебе снова станет страшно, позвони.
Анна хотела пошутить, но не смогла.
— Хорошо.
Томас ушёл с работы пораньше.
Она осталась одна.
И впервые за весь день почувствовала не только страх.
Ещё — благодарность.
Вечером пошёл снег.
Первый в этом году.
Крупные хлопья падали на мокрую мостовую и таяли, едва коснувшись земли.
Анна стояла за стойкой и смотрела в окно.
Снег возвращал городу привычность.
Белые крыши.
Тихие улицы.
Медленное движение прохожих.
Всё становилось простым.
В шесть вошла женщина с ребёнком.
В семь — двое туристов.
В восемь — студентки.
К девяти кафе почти опустело.
Посетители уходили один за другим, и колокольчик над дверью каждый раз звенел одинаково.
Обычный звук.
Обычный вечер.
Анна поймала себя на том, что начинает верить в возможность завтрашнего дня.
— Завтра будет обычный день, — сказала она.
И улыбнулась.
— Уже прогресс.
Анна заперла дверь.
Проверила окна.
Погасила свет.
Осталась одна.
На этот раз она не стала убирать чашки.
Просто стояла у стойки и слушала тишину.
Снег покрывал город.
Анна посмотрела на полку.
Пять чашек.

Она пересчитала их.
Пять.
Облегчение пришло сразу.
Анна медленно выдохнула.
И тогда заметила одну чашку, стоявшую чуть отдельно от остальных.
Она подошла.
Та самая, которую она разбила.
Теперь она была целой.
Анна коснулась края.
Трещина возле ручки была на месте.
Та же самая.
Она закрыла глаза.
Увидела осколки на полу.
Вспомнила цифру семь.
Записку.
Исчезнувшие чернила.
Анна открыла глаза.
Чашка не была заменена.
Она вернулась.
Рядом с полкой на деревянной поверхности темнела мокрая полоса.
Будто кто-то провёл по столу мокрым рукавом.
Анна коснулась её пальцем.
Вода.
И золотистая пыль.
Полоса тянулась от чашек к стене.
Она пошла следом.
Один шаг.
Потом второй.
На третьем остановилась.
Стена выглядела иначе.
Между камнями проступила тонкая чёрная линия.
Вертикальная.
От пола до потолка.
Анна подошла ближе.
Провела пальцами по стене.
Линия оказалась углублением.
Щелью.
Она отступила.
— Нет.
Из-за стены донёсся голос.
Теперь она слышала его отчётливо.
— Анна.
Она застыла.
Несколько секунд не могла заставить себя вдохнуть.
— Кто там?
Ответа не было.
Только тишина.
Анна сделала шаг назад.
И тогда за стеной что-то произошло.

Очень тихо.
Очень близко.
Раздался звук, как будто щёлкнул замок.

Глава 1. Кафе, где всё было по-прежнему

Часть 4

Анна застыла.
Щелчок замка прозвучал отчётливо.
Только теперь звук пришёл из стены.
Анна задержала дыхание.

Чёрная линия на стене стала шире — совсем немного, на толщину ногтя. Из щели потянуло холодом. Влажным, ночным, с запахом дождя, старой древесины и едва уловимой горечью чайных листьев.

Она отступила.
Щель продолжила расти.

Сначала тонкой полосой, затем шире, пока на месте стены не обозначились дверная рама, ручка и знакомая царапина возле замка.

Та самая.
Анна знала её слишком хорошо.
Дверь возвращалась.
Но не так, как возвращаются обычные вещи.

Она словно проступала из чужого воспоминания — и сама стена начинала вспоминать, что когда-то была дверью.

За ней звякнул колокольчик.
Один раз.
Анна посмотрела на ручку.
Та медленно повернулась.
Дверь приоткрылась.
За ней оказался не переулок.
Лестница.

Узкая, каменная, уходящая вниз. Нижние ступени терялись во тьме, куда не доставал свет кафе.

Анна прижала ладонь ко рту.
— Нет.
Из глубины донёсся тихий смех.
Не злой. Почти ласковый.
От этого стало страшнее.
— Кто здесь? — спросила Анна.
Ответом была тишина.
— Это вы оставили чашку?

Ничего.
Из дверного проёма тянуло мокрым камнем и белым чаем.
Анна сделала шаг к порогу — и остановилась.
Перед глазами всплыла записка.
Не открывай дверь после седьмой чашки.

Но дверь уже открылась.
Значит, предупреждение опоздало.
Или...
Анна посмотрела на лестницу.

Может быть, смысл был другим.

Не открывай дверь после седьмой чашки.

Не тогда, когда чашка появляется.

После.

Когда уже что-то произошло.

Когда может быть слишком поздно.

Она отступила.

Дверь тихо закрылась.

Чёрные линии сошлись, и через несколько секунд перед Анной снова была обычная стена.

Она долго смотрела на неё.

— Хорошо, — сказала Анна наконец.

Голос прозвучал неожиданно спокойно.

— Хорошо. Я не открыла.

За её спиной звякнуло стекло.

Анна обернулась.

Седьмая чашка стояла рядом с шестой.

Только теперь в ней был чай.

Белый, горячий. От поверхности поднималась тонкая струйка пара.

Анна не подошла.

На чае что-то отражалось.

Не она.

В гладкой поверхности отражалась пожилая женщина — серое пальто, чёрный зонтик. Она смотрела прямо на Анну.

Анна резко обернулась.

Никого.

Она снова взглянула в чашку.

Отражение исчезло.

На поверхности плавал маленький белый листок.

Анна осторожно достала его ложкой и развернула.

Это оказался чайный лист.

На нём проступала тонкая тёмная линия. Сначала бесформенная, потом всё более отчётливая.

Буквы **Иди.**

Анна выпустила листок.

Он опустился обратно в чашку и медленно исчез под водой.

Пар над чаем растаял.

В ту ночь Анна впервые решила остаться на ночь в кафе.

Не потому, что стала смелее.

Просто возвращаться домой она тоже не хотела.

Там были двери, за которыми могли звучать голоса. На улице мог снова появиться тот фонарь. В зеркале могло отразиться что-нибудь, чего там быть не должно.

А здесь оставались столы, стулья, кофемашина и знакомая стойка.

Здесь были вещи, которые подчинялись привычным правилам.

По крайней мере, пока.

Анна села за дальний столик — тот самый, где сидела пожилая женщина.

Перед ней лежала старая записная книжка.

Она решила записывать всё.

Если происходящее действительно случалось, записи помогут не потерять нить.

Если нет — утром она перечитает их и поймёт, что была просто слишком уставшей.
Анна открыла чистую страницу.
23:18. Дверь появилась снова.
Она задержала ручку над бумагой.
Зачеркнула первое предложение.
Написала: **Дверь вернулась.**
Ниже: **За дверью лестница.**
Потом: **Пожилая женщина знает моё имя.**
Анна остановилась.
Следующая фраза далась труднее. **Она ждала меня.**
Анна посмотрела на написанное.
Ей не понравилось это утверждение.
Она зачеркнула его.
Несколько секунд сидела неподвижно.
Затем снова написала: **Она ждала меня.**
Анна закрыла книжку.
Тишина в кафе стала почти осязаемой.
Она слышала часы.
Тиканье казалось слишком громким для такого маленького помещения.
Тик.
Так.
Тик.
Так.
Анна подняла голову.
Стрелки показывали 23:45.
Она отвернулась.
Через минуту снова посмотрела.
23:50.
Анна нахмурилась.
Часы шли неправильно.
Она подошла к ним, сняла со стены и перевернула. Механизм молчал.
Стрелки замерли на 23:45.
Анна собиралась положить часы обратно, когда минутная стрелка дёрнулась.
Потом ещё раз.
И пошла назад.
23:44.
23:43.
23:42.
Анна не моргала.
23:41.
23:40.
Часы продолжали отматывать время.
Она положила их на стол.
Стрелки остановились.
На несколько секунд кафе погрузилось в абсолютную тишину.
Затем звякнул входной колокольчик.
Анна резко повернулась.
На стекле двери проступал иней.
Хотя в кафе было тепло.

Белёсый узор медленно расползлся от центра к краям. Сначала хаотично, потом всё яснее, складываясь в знакомые очертания.

Дверь появилась снова.

Та самая.

Рядом с ней — семь маленьких кругов.

В окне что-то мелькнуло.

Анна присмотрелась.

Теперь она различала силуэт.

Женщина.

Серое пальто.

Чёрный зонтик.

Анна открыла входную дверь и произнесла:

— Подождите!

Женщина не повернулась.

Анна схватилась за ручку — и остановилась.

Записка. *Не открывай дверь после седьмой чашки.*

Анна медленно повернулась и посмотрела на полку.

Седьмой чашки не было.

Все семь исчезли.

Анна вернулась в кафе и закрыла дверь.

Она снова взглянула в окно.

Женщина подошла к двери и подняла руку.

Постучала.

Один раз.

Анна отступила.

Второй удар.

Третий пришёлся точно в тот момент, когда часы на столе показали 23:33.

Анна подошла и посмотрела в стекло на дверях.

Женщина наконец повернула голову.

Анна увидела лицо.

Вернее, то, где оно должно было быть.

Там была пустота.

Чёрная, глубокая, лишённая глаз, рта, каких-либо человеческих черт.

Анна вскрикнула и отшатнулась.

Силуэт исчез.

Иней на стекле мгновенно растаял.

На полу образовалась лужа.

Анна смотрела на неё, не в силах пошевелиться.

В воде отражались потолок, лампа, столы.

А затем отражение изменилось.

Вместо потолка появилась лестница.

Та самая.

Уходящая вниз, в темноту.

Анна зажмурилась.

Когда она открыла глаза, в луже снова отражалось обычное кафе.

Она ещё несколько секунд стояла неподвижно.

— Анна.

Голос прозвучал совсем рядом.

Анна медленно повернулась.

Пожилая женщина сидела за дальним столиком.
Там же, где была в прошлый раз.
Сухое серое пальто.
Сложенные на столе руки.
Чашка перед ней.
Анна не заметила, как женщина появилась.
— Вы...
Голос сорвался.
Женщина подняла взгляд.
— Наконец-то.
Анна не решалась подойти.
— Что вам нужно?
Женщина слегка улыбнулась.
— Мне?
— Да.
— Ничего.
— Тогда почему вы здесь?
— Потому что это ваше кафе.
Анна нахмурилась.
— Что?
— И вы должны помнить.
— Я ничего не должна.
На лице женщины появилась такая печаль, что Анне стало холоднее.
— Вы всегда так говорите.
Анна почувствовала, как по коже побежали мурашки.
— Мы раньше встречались?
— Очень давно.
— Где?
Женщина посмотрела вокруг.
— Здесь.
Анна покачала головой.
— Я вас не знаю.
— Знаете.
Женщина взяла чашку.
— Просто ещё не вспомнили.
Она сделала глоток.
И только тогда Анна заметила чашку.
Белый фарфор.
Тонкий золотой ободок.
Седьмая.
— Что это за место? — прошептала Анна.
Женщина поставила чашку.
— То же самое место, что и всегда.
— Тогда почему исчезла дверь?
— Потому что вы перестали её видеть.
— Я видела её вчера.
Женщина покачала головой.
— Нет.
Анна замерла.

— Вы видели её сегодня.

— Сегодня?

— Да.

Анна оглянулась на часы.

Стрелки снова двигались.

На этот раз вперёд.

23:59.

Женщина улыбнулась.

— Сейчас начинается завтра.

Свет погас.

Анна услышала звон сразу семи колокольчиков.

Не один за другим.

Одновременно.

Наступила тишина.

А затем в темноте раздался звук открывающейся двери .

Глава 1. Кафе, где всё было по-прежнему

Часть 5

Темнота пришла без предупреждения.

Свет погас — и вместе с ним исчезли очертания кафе. Анна перестала видеть стойку, столы, полку с чашками.

Остался только звон.

Один.

Второй.

Третий.

Звуки возникали в разных концах помещения, наслаивались друг на друга, пока уже невозможно было понять, где заканчивается один и начинается другой.

Семь колокольчиков.

Их звон дрожал в воздухе, будто само помещение было натянуто, как струна.

Анна прижалась спиной к стойке.

Впереди скрипнули петли.

Потом послышался протяжный шелест дерева о камень.

Дверь.

Та самая.

Анна не видела её, но сомнений не осталось: из стены тянуло ночным холодом и дождём.

— Не подходите к ней, — сказала пожилая женщина.

Голос прозвучал совсем рядом.

— Где вы?

— Здесь.

— Где?

— Не двигайтесь.

Анна замерла.

Что-то прошуршало в темноте.

Затем вспыхнуло пламя.

На дальнем столике горела свеча.

Тёплый золотистый свет выхватил из мрака лицо женщины.

Анна невольно отступила.

Днём она казалась просто пожилой посетительницей.

Сейчас — почти древней.

Кожа просвечивала в свете свечи, подчёркивая тонкие прожилки на висках. Глаза оставались ясными и холодными.

— Что происходит?

Женщина посмотрела мимо неё.

— Вы открыли её.

— Я ничего не открывала.

Она чуть повернула голову.

— Она открылась сама.

Анна медленно обернулась.

В стене была дверь.

Чёрная, почти без бликов. По краям мерцала тонкая золотистая кромка.

Анна сделала шаг.

За дверью больше не было лестницы.

Там находился город.

Не сегодняшний.

Не тот, который она знала.

Переулок уходил между высокими узкими домами. За тёмными окнами горел янтарный свет.

Мостовая была пустой. Ни машин, ни прохожих.

Только фонари.

И снег.

Анна пригляделась.

Снег шёл вверх.

Хлопья поднимались с мостовой, медленно кружились и растворялись в темноте.

У Анны пересохло во рту.

— Что это?

— Город.

— Какой?

Женщина посмотрела на неё.

— Ваш.

Анна покачала головой.

— Нет.

— Пока нет.

Женщина поднялась.

— Подойдем.

— К этой двери?

— Да.

Анна не двинулась.

— Но вы сказали...

— Я сказала: после седьмой чашки дверь открывать нельзя.

— Чашек больше нет.

— Именно поэтому у нас ещё осталось время.

— Для чего?

Женщина посмотрела на неё так, словно ответ ей уже был известен.

— Чтобы ты вспомнила.

За дверью качнулся свет фонаря.

Анна почувствовала странное головокружение.

Она уже видела этот переулок.

Не могла вспомнить где.
Но тело помнило раньше памяти.
— Почему я должна вам верить?
— Не должны.
— Тогда почему вы всё время говорите так, будто знаете меня?
Женщина опустила глаза.
— Потому что я знала вашу мать и мы уже встречались.
Анна словно перестала слышать всё остальное.
— Мою мать?
Женщина кивнула.
— Она сидела здесь.
— Когда?
— Очень давно.
За дверью появился ветер.
Снег взвился с мостовой и закружился в пустом переулке.
— И однажды она уже открыла эту дверь, — сказала женщина.
Анна почувствовала холод в пальцах.
— И что произошло?
— Она ушла.
— Куда?
Женщина указала на город.
— Туда.
— И не вернулась?
Пожилая женщина помедлила.
— Нет.
Где-то за дверью тихо кто-то засмеялся .
Анна замерла.
Этот смех она узнала сразу.
И именно поэтому он напугал её сильнее всего.
— Мама?
Женщина мгновенно схватила её за руку.
— Не отвечайте.
— Я слышала её.
— Что бы вы ни услышали, не отвечайте.
Смех повторился.
Теперь ближе.
Потом раздался женский голос:
— Анна?
Она задохнулась.
— Мама?
Ладонь женщины легла ей на рот.
— Не отвечайте.
По ту сторону двери воцарилась тишина.
Потом голос произнёс:
— Я знаю, что ты там.
Анна закрыла глаза.
Слёзы выступили сами.
Она не слышала этот голос больше двадцати лет.
Но память не ошиблась.

Та же мягкость.
Та же интонация.
Так мать звала её по утрам, когда она была ребёнком.
И вместе с голосом пришёл запах корицы.
Маленькая кухня.
Солнечное окно.
Мамины руки.
Белые чашки на столе.
Шесть — для гостей.
И одна — отдельно.
Анна открыла глаза.
— Я помню.
Женщина отпустила её руку.
— Что?
— Чашки.
— Что именно?
— Их было семь.
Лицо женщины изменилось.
— Нет.
— Было семь.
Воспоминание стало ярче.
Анне пять лет.
Мать ставит чашки на стол одну за другой.
— Шесть для гостей.
Последнюю она ставит перед дочерью.
— А эта?
Мать улыбается.
— Эта для тех, кто возвращается.
Картина исчезла.
Анна пошатнулась.
— Я была здесь.
Женщина кивнула.
— Да.
— Я уже открывала эту дверь?
— Да.
— И вернулась?
— Да.
Анна долго смотрела на неё.
— Почему я ничего не помню?
Женщина отвела взгляд.
— Потому что ваша мать хотела, чтобы вы забыли.
— Как?
— Она попросила город забрать то, что вы увидели.
— Город не может забрать память.
— Этот может.
Анна снова посмотрела на дверь.
— Что я увидела?
Женщина промолчала.
Дверь начала закрываться.

— Подождите!

Анна рванулась вперёд, но женщина удержала её.

— Нет.

— Там моя мать.

— Нет.

— Вы сказали, что она там.

— Я сказала, что вы слышали её голос.

Анна повернулась к ней.

— Откуда вы знаете, что это не она?

Женщина выдержала её взгляд.

— Потому что ваша мать умерла двадцать лет назад.

Анна застыла.

— Откуда вы знаете?

— Я была рядом.

— Где?

Женщина опустила голову.

— В тот день.

В Анне вспыхнул гнев.

— Тогда расскажите.

Молчание.

— Расскажите мне!

— Сейчас нельзя.

— Почему?

Женщина посмотрела на сужающуюся щель.

— Если вы вспомните всё сразу, дверь останется открытой.

— И что тогда?

Ответ последовал почти шёпотом:

— То, что однажды ушло вместе с вашей матерью, сможет выйти.

Из-за двери ударили.

Один раз.

Второй.

Третий.

Анна вздрогнула.

— Что там?

Женщина не ответила.

Четвёртый.

Пятый.

Шестой.

Анна отступила.

Седьмой удар оказался едва слышным.

Дверь закрылась.

Чёрная поверхность исчезла.

Перед Анной снова была стена.

Свеча горела.

Анна стояла неподвижно.

И тогда услышала дыхание.

Рядом.

Не своё.

Женщина тоже его услышала.

Они одновременно повернулись к полке.
Семь чашек.
Анна не заметила, когда они появились.
Первые шесть выглядели совершенно обычно.
У седьмой была тень.
Только она не повторяла форму чашки.
Она была человеческой.
Высокой.
Худой.
Слишком длинной, чтобы принадлежать предмету, стоящему под светом горящей свечи.
Тень медленно подняла голову.
Казалось, что она улыбнулась.
Анна не закричала.
Она узнала эту улыбку.
Так улыбалась сама.
В детстве.
Тот же чуть приподнятый левый уголок губ.
Анна почувствовала холод под кожей.
Тень смотрела прямо на неё.
И вдруг Анна поняла: это было не отражение.
Она смотрела на себя.

Глава 1. Кафе, где всё было по-прежнему

Часть 6

Анна смотрела на тень.
Она стояла возле седьмой чашки — высокая, неестественно тонкая, с головой, склонённой набок.
— Это невозможно, — прошептала она.
Тень повторила движение её губ.
Беззвучно.
Потом подняла руку.
Анна, не успев подумать, подняла свою.
Тень замерла.
Анна тоже.
— Не надо, — тихо сказала пожилая женщина.
Анна опустила руку.
Тень осталась с поднятой ладонью.
Пять пальцев.
Один за другим они начали стигаться.
Четыре.
Три.
Два.
Один.
Кулак.
Трижды тень постучала им по полке.
Раз.
Два.
Три.

Анна вспомнила дверь.
Семь ударов.
Семь чашек.
Семь колокольчиков.
Она посмотрела на женщину.
— Что ей нужно?
— Не ей.
— Тогда кому?
Женщина подняла глаза.
— Тому, кто должен вернуться.
Анна почувствовала холод в груди.
— Мне?
Ответа не последовало.
Тень исчезла.
Не растворилась — просто перестала быть.
Седьмая чашка осталась на полке.
Анна подошла к ней.
Страх никуда не делся. Но теперь его теснила злость.
Двадцать лет в её детстве оставалось пустое место.
Она не помнила последнего дня с матерью. Не помнила, как та умерла. Родственники объясняли: Анна была слишком маленькой. Врачи говорили о травматической амнезии.
Она поверила.
Научилась не спрашивать.
Теперь перед ней стояла чашка, которая знала о её прошлом больше, чем она сама.
Анна повернулась к пожилой женщине.
— Вы всё это время знали.
— Да.
— И молчали.
— Я обещала.
— Кому?
— Вашей матери.
Анна сжала пальцы.
— Она просила вас молчать обо мне?
— Нет.
Женщина посмотрела на чашку.
— Она попросила дожждаться, пока вы сами её услышите.
— Услышу что?
— Дверь.
Анна взглянула на стену.
Ни щели, ни ручки, ни двери.
Но теперь Анна знала: дверь никуда не исчезла.
Она просто снова стала стеной.
— А если я не захочу её открывать?
Женщина устало улыбнулась.
— Тогда она откроется без вас.
— Когда?
— Когда появится седьмая чашка. За этим следят Смотрители.
Анна посмотрела на полку.
Семь чашек.

Шесть — одинаковые.

Седьмая отличалась только надписью на дне.

Её именем.

Анна взяла чашку и поставила на стол.

Она была пуста.

— Что будет, если я выпью из неё?

— Не знаю.

Анна удивлённо посмотрела на женщину.

— Вы не знаете?

— Я никогда из неё не пила.

— Почему?

— Она предназначена не мне.

Анна провела пальцем по краю.

— Тогда откуда вы знаете, что это седьмая чашка?

Женщина подняла взгляд.

— Потому что она появилась для вас.

— Кто её принёс?

— Вы.

Анна нахмурилась.

— Я?

— Не сейчас.

Женщина выдержала паузу.

— Когда-то.

Анна почувствовала раздражение.

— Это ничего не объясняет.

— Пока.

Женщина поднялась.

— Но скоро объяснит.

Она направилась к выходу.

— Подождите.

Женщина остановилась.

— Вы обещали моей матери.

— Да.

— Что именно?

Ответ последовал не сразу.

— Если дверь вернётся, я должна была напомнить вам одну вещь.

— Какую?

Пожилая женщина открыла входную дверь.

Колокольчик тихо звякнул.

Она обернулась.

— Не всякий, кто вернулся, хочет, чтобы его нашли.

Женщина вышла.

Анна бросилась следом.

Улица была пуста.

Ни женщины.

Ни следов на снегу.

Только старый фонарь напротив кафе.

Анна медленно закрыла дверь и заперла её.

Повернулась.

На столе лежала её записная книжка.
Анна оставила её на кухне.
Она была уверена.
Книга лежала раскрытой.
Последняя запись была сделана не её почерком **23:59.**
Ниже: **Седьмая чашка найдена.**
Анна провела пальцем по буквам.
Под ними выступила новая строка.
Чернила проступали медленно, словно кто-то писал прямо изнутри бумаги.
Теперь осталось вернуть дверь.
Анна отступила.
В стене щёлкнуло.
Потом ещё раз.
И ещё.
На стене появилась тонкая линия.
Она протянулась вверх, обозначая край двери.
Следом проступили остальные контуры.
Анна смотрела на стену.
Она могла уйти.
Выбросить чашку.
Сжечь книжку.
Уехать из города.
Вернуться к жизни, где странным вещам находилось простое объяснение.
Но впервые за двадцать лет у неё появилась возможность узнать, что произошло с матерью.
И эта возможность была страшнее самого незнания.
За стеной кто-то произнёс:
— Анна.
Она закрыла глаза.
Голос был не материнским.
Он был её собственным.
Тогда Анна поняла самое страшное.
За дверью её ждала не женщина.
Не мать.
Там ждала та часть Анны, которую она когда-то оставила по ту сторону.
Щёлкнул замок.
Дверь открылась.
Из темноты донёсся знакомый детский голос:
— Ты так долго шла.
Анна сделала шаг навстречу.

Конец главы № 1.

Глава 2. Дверь, которой не должно быть

Часть 1

Утром город снова выглядел обычным.
Анна поняла это ещё до того, как открыла глаза.

За окном звенел трамвай. Во дворе хлопнула дверь. Кто-то смеялся, кто-то ругался из-за машины, перегородившей проезд.

Обычные звуки.

От них почему-то стало не легче.

Анна лежала неподвижно, глядя в потолок, и несколько секунд ещё могла притворяться, что прошлой ночью ничего не было.

Потом память вернула дверь.

Лестницу, уходящую во тьму.

Пожилую женщину.

Семь чашек.

И голос, прозвучавший из-за порога: *Ты так долго шла.*

Анна закрыла глаза.

— Нет.

Она сказала это почти беззвучно.

На прикроватной тумбочке лежала записная книжка.

Анна посмотрела на неё и не сразу решилась взять.

Последняя страница была чистой.

Ни записи о двери.

Ни слова о чашках.

Ни строчки, которой она сама не помнила, но которую невозможно было забыть.

Она перелистнула несколько страниц.

Списки покупок.

Расписание смен.

Поставки.

Номер сантехника.

Старое напоминание купить новый чайник.

Её почерк.

Её жизнь.

Всё на месте.

Почти.

Внизу страницы, у самого переплёта, стояла маленькая цифра. **7.**

Анна провела по ней пальцем.

Чернила давно высохли.

Она не помнила, когда написала эту цифру.

Закрыла книжку.

Потом снова открыла.

Семёрка осталась.

Анна вздохнула.

— Ладно.

Это слово прозвучало как уступка.

Самой себе.

Кафе она открыла раньше обычного.

С улицы оно выглядело так же, как всегда: выцветшая вывеска, высокие окна, та же дверь, латунный колокольчик.

Анна стояла перед входом.

Она посмотрела в сторону переулка.

Каменная стена.

Глухая, мокрая после ночного дождя.

Провела ладонью по камню.

Холодный.
Шершавый.
Настоящий.
Вспомнила, что было ночью.
Она закрыла глаза.
— Я всё это придумала.
— Что именно?
Анна вздрогнула.
Томас стоял рядом с бумажным пакетом.
— Ты пугаешь людей.
— Я просто стою здесь.
— Именно.
Он протянул пакет.
— Булочки.
Анна взяла его.
— Спасибо.
Томас посмотрел на стену.
— Опять?
Она подняла глаза.
— Что?
— Ничего.
Он первым вошёл в кафе.
Анна задержалась ещё на секунду.
— Томас.
— М-м?
— Ты помнишь дверь?
Он остановился.
— Какую?
— Здесь, в стене?
Томас посмотрел на неё внимательнее.
— Там всегда была стена.
— Я видела дверь.
— Вчера?
Анна кивнула.
Он ничего не ответил.
Просто поставил пакет на стойку.
— Ты точно в порядке?
— Да.
Томас усмехнулся.
— Слишком быстро.
— Что?
— Ты обычно врёшь убедительнее.
Анна попыталась улыбнуться.
Не получилось.
К десяти кафе наполнилось людьми.
Анна работала почти машинально.
Кофемашина шипела. Ложки звенели о фарфор. За окнами проезжали трамваи.
Обычный день.
Только теперь она всё время ждала, что в нём что-нибудь не совпадёт.

Каждый звон колокольчика заставлял её поднимать глаза.
Но входили обычные люди.
Не появлялись женщины в серых пальто.
Не возникали чашки.
Из-за стены никто не произносил её имени.
К полудню Анна почти поверила, что ночь осталась позади.
Почти.
Она стояла у стойки, когда заметила что-то за окном.
Сначала — всего лишь движение.
Потом ей показалось, что между булочной и аптекой стоит дом.
Узкий.
Серый.
С тремя окнами.
Анна моргнула.
Дома не стало.
Она продолжала смотреть.
На его месте снова была булочная.
— Что с тобой? — спросил Томас.
Анна указала на улицу.
— Ты видел?
— Что?
— Дом.
Он посмотрел в окно.
— Какой?
— Только что там стоял дом.
Томас нахмурился.
— Там переулок.
Анна почувствовала холод под рёбрами.
— Какой переулок?
Он пожал плечами.
— Обычный.
Она снова посмотрела.
Переулок действительно был там.
Узкий проход между домами, которого, как ей казалось, вчера ещё не существовало.
И тогда она поняла, что ищет.
Не дом.
Дверь.
Анна вышла из-за стойки.
— Куда ты? — крикнул Томас.
Она уже не слышала.
Переулок пах мокрым камнем и ржавчиной.
Анна медленно пошла вперёд.
Всё здесь было до нелепости обычным.
Старая мостовая.
Водосточная труба.
Контейнер.
Стены, потемневшие от дождя.
И вывеска над дверью: **«Булочная мадам Эльза».**
Анна остановилась.

Вчера здесь была аптека.
Она помнила зелёный крест.
Помнила витрину.
Помнила, как однажды покупала там пластырь, потому что порезалась на работе.
Память не сомневалась.
Но теперь память была единственным свидетелем, которому она уже не доверяла.
Анна достала телефон.
Открыла карту.
Нашла улицу.
Булочная была отмечена именно здесь.
Словно никакой аптеки никогда не существовало.
Анна убрала телефон.
Вернулась в кафе.
— Томас.
— Что?
— Как давно здесь булочная?
Он посмотрел на неё с удивлением.
— Всегда.
— Нет.
— Анна...
— Я помню аптеку.
Томас некоторое время молчал.
— Моя бабушка покупала там хлеб.
Он говорил спокойно, почти буднично.
И от этого его слова казались страшнее.
— Ты уверен?
— Конечно.
Анна посмотрела в окно.
Томас улыбнулся.
— Тебе нужно поспать.
Она ничего не ответила.
Входная дверь открылась.
Анна обернулась.
Женщина в красном пальто вошла, стряхнула с зонта невидимые капли и села у окна.
Анна заметила, что она не посмотрела ни на меню, ни на стойку.
Сразу достала из сумочки маленькое зеркало.
Подняла его к лицу.
— Ты снова опоздала.
Анна невольно прислушалась.
Ответа не было.
Но женщина кивнула.
Будто слышала.
Она закрыла зеркало и подняла глаза.
Прямо на Анну.
— Вы тоже видите?
Анна почувствовала, как холод пробежал по спине.
— Что?
Женщина указала на улицу.
— Как город иногда ставит дома не на свои места.

Анна посмотрела в окно.

— Что вы имеете в виду?

Женщина улыбнулась.

— Не переживайте.

Она поднялась.

— Первый раз всегда кажется самым страшным.

— Подождите.

Женщина уже вышла.

Анна бросилась следом.

Переулок оказался пуст.

Ни красного пальто.

Ни шагов.

Ничего.

Только серый дом напротив.

Тот самый, который она видела через окно.

Анна подошла ближе.

На его стене была нарисована арка.

Вокруг — семь маленьких точек.

Одна перечёркнута.

Остальные шесть мерцали слабым золотым светом.

Анна медленно протянула руку.

Не коснулась.

За спиной звякнул колокольчик.

Она резко обернулась.

Дверь кафе была открыта.

В проёме никого.

На мокрой мостовой лежал сложенный лист бумаги.

Анна подняла его.

Развернула.

И сразу узнала почерк.

Материнский.

На мгновение всё вокруг стало каким-то ненастоящим: улица, дождь, стены, даже собственное дыхание.

Она прочитала: **Если город начал менять улицы — ищи дверь между двумя домами.**

Анна перечитала записку.

Потом посмотрела на серый дом.

Одна из золотых точек погасла.

Анна вздрогнула.

Теперь их было пять.

Она не знала, что отсчитывают эти точки.

Не знала, кто оставил записку.

Не знала, что город пытается ей показать.

Но в одном больше не сомневалась.

Дело было не в её памяти.

И не в том, что она слишком устала.

Город менялся.

И происходило это вокруг неё.

Словно он медленно переставлял декорации, проверяя, заметит ли она.

Анна сжала записку.

На секунду ей показалось, что в одном из окон серого дома кто-то стоит.
Женщина.
Чёрный зонтик.
Она моргнула.
Окно было пустым.
Анна снова посмотрела на стену.
Пять золотых точек.
А потом из переулка донёсся тихий голос:
— Не ищи её там, где она была.
Анна обернулась.
Никого.
Только вода стекала по камню.
Анна медленно посмотрела на записку.
Теперь она понимала главное: город не забыл её.
Он начал её **узнавать**.

Глава 2. Дверь, которой не должно быть

Часть 2

Анна перечитала записку.

Если город начал менять улицы — ищи дверь между двумя домами.

Почерк ей казался знакомым.

Не потому, что часто его видела. Наоборот. Мать почти ничего после себя не оставила: несколько фотографий, пару открыток, старую книгу рецептов. И воспоминания, которые с годами становились всё менее надёжными.

Но Анне казалось, что почерк она помнила, хотя она была совсем маленькой, когда матери не стало.

Наклонные буквы. Сильный нажим пера. Последние буквы в словах почти всегда уходили вверх, словно мысль торопилась закончиться раньше предложения.

Она провела пальцем по чернилам.

Бумага была сухой.

Анна перевернула записку.

Чисто.

— Анна!

Она вздрогнула и быстро сложила лист.

Томас стоял у входа в кафе.

— Что ты там делаешь?

— Ничего.

— Опять это слово.

— Томас...

— Я не собираюсь тебя допрашивать.

Он посмотрел на серый дом напротив.

— Но начинаю беспокоиться.

— Почему?

— Потому что ещё вчера я не помнил, что он существует.

Анна медленно повернулась к нему.

— Ты его видишь?

— Конечно.

Внутри у неё что-то отпустило.

Значит, она не единственная, кто его видит.

— А вчера?

Томас нахмурился.

Он снова посмотрел на дом.

— Не знаю.

— Постарайся.

— Зачем?

— Просто вспомни.

Он молчал несколько секунд.

— Переулок я помню. А дом — нет.

Анна кивнула.

— А булочную?

— Что с ней?

— Ты сказал, что она здесь лет тридцать.

— Да.

— А я помню аптеку.

Томас посмотрел на неё внимательнее.

— Значит, кто-то из нас ошибается.

Анна сжала записку в кармане.

— Или оба.

Томас ничего не ответил.

За окном серый дом стоял неподвижно.

Будто слушал.

Вечером Анна отправилась в городскую библиотеку, оставив Томаса одного в кафе.

Ей впервые захотелось разобраться самой. Проверить собственную память до того, как чужие слова окончательно вытеснят её собственные воспоминания.

Библиотека располагалась в старом здании бывшей ратуши.

Внутри пахло пылью, бумагой и сухим деревом. Высокие потолки тонули в полумраке. Узкие окна пропускали последние полосы вечернего света. Половицы поскрипывали, хотя в зале никого не было.

Анна любила это место.

Здесь прошлое хотя бы не притворялось настоящим.

Она подошла к стойке.

За ней сидела женщина лет шестидесяти с короткими седыми волосами.

— Добрый вечер.

— Добрый.

— Мне нужны старые карты города.

Библиотекарша подняла глаза.

— Какие именно?

— Самые старые. Особенно планы старого квартала.

Женщина некоторое время смотрела на неё.

— Что вы ищете?

Анна замялась.

— Один переулок.

На губах библиотекарши появилась едва заметная улыбка.

— В нашем городе это иногда непростая задача.

Анна всмотрелась в её лицо.

— Вы знаете, о чём я?

— Я работаю здесь двадцать семь лет.

Женщина поднялась.

— За это время люди не раз искали улицы, которых не находили ни на одной современной карте.

— А на старых?

Библиотекарша остановилась.

— Старые карты помнят многое.

Она скрылась между стеллажами.

Через несколько минут вернулась с тубусом.

— Карты девятнадцатого века. Здесь несколько планов кварталов, реконструкции и частные схемы.

Анна развернула первую карту.

Старый город оказался почти знакомым.

Площадь.

Река.

Собор.

Улицы.

Переулки.

Она нашла район возле кафе.

Аптека была на месте.

Булочной не было.

Анна нахмурилась.

Между зданиями проходил узкий переулок — тот самый.

Она достала телефон и открыла современную карту.

Булочная.

Аптека.

Два разных здания в одном месте.

Она показала экран библиотекарше.

— Когда это изменилось?

— Что именно?

— Здание. Здесь на старой карте аптека, а сейчас булочная.

Женщина посмотрела на план.

— Реконструкция.

— Когда?

— Не знаю.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Анна снова склонилась над картой.

И заметила знак.

У самого края плана, там, где переулок уходил между домами, была изображена арка.

Вокруг неё — семь маленьких точек.

Анна замерла.

— Что это?

Библиотекарша ничего не ответила.

— Вы знаете этот знак?

Женщина медленно свернула карту.

— Вам лучше уйти.

— Почему?

— Потому что некоторые карты лучше не читать.

— Я уже прочитала.

Библиотекарша посмотрела на неё.

— Тогда тем более.

Анна не убрала руку с карты.

— Кто такие Смотрители?

На лице женщины впервые появился настоящий страх.

— Кто вам рассказал это слово?

Анна промолчала.

Она вспомнила пожилую женщину.

Её взгляд.

Седьмую чашку.

Дверь.

— Никто.

Ложь прозвучала тихо и почти убедительно.

Библиотекарша, кажется, всё равно ей не поверила.

Она долго смотрела на Анну, потом сказала:

— Идите домой.

Женщина закрыла тубус.

— Я знаю гораздо больше, чем хотела бы.

Она поставила карту обратно на полку.

— Приходите завтра.

— Почему завтра?

Библиотекарша взглянула на часы.

20:17.

— Потому что сегодня уже поздно.

— Для чего?

Женщина отвернулась.

— Для города.

Анна нахмурилась.

— Что это значит?

Но библиотекарша больше не ответила.

На улице уже стемнело.

Анна остановилась на ступенях библиотеки.

Город выглядел привычно.

Почти.

Она достала записку. **Ищи дверь между двумя домами.**

Между какими?

Она решила вернуться в старый квартал.

Не потому, что была готова открыть дверь.

Ей нужно было сначала найти арку с карты. Убедиться, что она действительно существует.

Первые несколько минут всё шло нормально.

Знакомые улицы.

Знакомые дома.

Знакомые вывески.

Потом дорога изменилась.

Улица, которая должна была вывести Анну к площади, привела к реке.

Она остановилась.

Река находилась почти в километре отсюда.

Анна развернулась и пошла обратно.

Через несколько минут снова оказалась на площади.
Она узнала фонтан.
Часовню.
Старый каменный дом на углу.
Но стоило свернуть на нужную улицу — и впереди опять блеснула вода.
Анна достала телефон.
Навигатор показывал, что она находится в центре площади.
Анна подняла глаза.
Вокруг стояли дома, которых она никогда здесь не видела.
Старые.
Высокие.
Слишком узкие.
Она обновила карту.
Экран на мгновение погас.
Когда изображение вернулось, линии улиц начали двигаться.
Сначала медленно.
Потом быстрее.
Переулок исчез.
Другой возник на его месте.
Третий протянулся между кварталами, которых секунду назад не было.
Анна смотрела на экран, забыв дышать.
И тогда появилась точка.
Золотая.
Совсем рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.